

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТРАНЗИТА

*Ю.А.Нисневич, профессор,
доктор политических наук,
профессор НИУ ВШЭ и РУДН*

Со второй половины XX века поднялась по определению Э.Тоффлера¹ «третья волна» качественной трансформации цивилизации, начался переход от цивилизации индустриальной к цивилизации «высокотехнологичной и антииндустриальной». Постиндустриальный транзит, который охватывает все сферы жизнедеятельности социума и порождает новые политические реалии, был обусловлен комплексом политических, социальных, экономических и технологических феноменов.

Основной политический феномен Ф.Фукуяма назвал «конец истории», а его смысл определил следующим образом: «Более того, я настаиваю, что либеральная демократия может представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”, являясь тем самым “концом истории”. < ... > Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но *идеал* либеральной демократии улучшить нельзя».² Представляется, что «конец истории» следует рассматривать как некую идеальную перспективу постиндустриального развития, суть которой в существенной, но не абсолютной универсализации политических и государственных порядков, воплощающих в регулировании жизни социума базовые либеральные ценности и принципы демократии.

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. С.33.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. С.7.

Исходя из того, что «либерализм и демократия, хотя и тесно связаны между собой, — это отдельные понятия»,³ в феномене «конец истории» можно выделить два компонента: институциональный и ценностный.

Институциональный компонент состоит в том, что доминирующей формой организации политических и государственных порядков стала основанная на свободе выбора современная полиархическая демократия.⁴ При этом необходимо отметить, что, во-первых, демократия постоянно эволюционирует по мере цивилизационного развития и, во-вторых, не существует двух одинаковых практик демократии, которая в каждой стране реализуется со своей национально-исторической спецификой и особенностями.

Демократию, которая по выражению А.Пшеворского есть «неопределенность результатов при определенности процедур»,⁵ характеризуют универсальные в смысле общности для всех национальных моделей процедуры и механизмы организации политических и государственных порядков, которые и определяют ее сущностное отличие от других форм организации таких порядков.⁶ В настоящее время демократия в качестве приоритетной формы организации политических и государственных порядков признается и либо практически реализуется в той или иной модели, либо только имитируется подавляющим большинством (более 85-90%) государств современного мира. При этом имитационное использование демократии даже откровенно авторитарными политическими режимами происходит, как отмечает Ф.Фукуяма, «из-за набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти — демократия» и в результате этого «даже самые твердокаменные диктаторы считают себя

³ Там же. С.85

⁴ О полиархической демократии как «власти многих» см.: *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. С.90.

⁵ Цит. по *Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты // Политология: Лексикон / Под редакцией *А.И.Соловьева*. М.: РОССПЭН, 2007. С.124.

⁶ О процедурах и механизмах современной демократии см.: *Нисневич Ю.А.* Что есть демократия? Вопросы политологии, 2012. №1(5). С.29-40.

обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы».⁷

Ценностный компонент феномена «конец истории» состоит в том, что базовая социальная ценность либерализма – человек, его права и свободы стала не только формально общепризнанной ценностью современного мира, но и в той или иной мере воплотилась в реальной жизни многих государств.

Институт прав и свобод человека как институт международного права, основой которого является Всеобщая декларация прав человека, утвержденная и провозглашенная резолюцией 217А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, начал формироваться только после Второй мировой войны, когда мировое сообщество, принеся огромные человеческие жертвы молоху тоталитарных идеологий, пришло к пониманию необходимости поиска основ и, прежде всего, правовых для мирного сосуществование разных государств и народов.

В настоящее время человек, его права и свободы признаются в качестве базовой социальной ценности, по крайней мере, формально-юридически, а именно в форме участия в соответствующих международных пактах подавляющим большинством (более 85%) государств — членов ООН. При этом следует отметить, что институт прав и свобод человека служит фундаментом международного правового пространства, в рамках которого в соответствии с конституциями многих государств нормы международного права имеют приоритет над нормами национального законодательства.

Важным следствием феномена «конец истории» стал отказ от этатистского воззрения на главный политический институт — государство как на высший результат и цель общественного развития. Переориентация в понимании предназначения государства на служение человеку и обществу, но не посредством всепроникающего государственного патернализма, а на основе изменения сути государственной власти и, как следствие, целей и методов

⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С.56-57.

управления делами государства. В современном демократическом государстве только его граждане являются источником власти и носителем суверенитета, они определяют степень и границы участия государства в регулировании социальных отношений, компетенцию и полномочия публичной власти в таком регулировании, наделяют ее органы необходимыми для этого правами и обязанностями и осуществляют постоянный контроль их деятельности.

Ключевой социальный феномен Х.Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс», а его суть характеризовал как то, что «вся власть в обществе перешла к массам».⁸ При этом он отметил объективную предопределенность этого феномена логикой исторического развития и, прежде всего, индустриализацией и наступлением демократии. Он констатировал, что «восстание масс означает огромный рост жизненных возможностей, ... способствует подъему исторического уровня и показывает наглядно, что средний уровень жизни сегодня выше, чем был вчера».⁹ Последнее обусловлено тем, что благодаря демократии и техническому прогрессу качественно изменились условия и стандарты жизни среднего человека. В его жизнь вошло то, что раньше было доступно только господствующим меньшинства, средний человек получил возможность пользоваться такими благами и удобствами, которые раньше имели только эти меньшинства и более того, даже такими, которые и эти меньшинства не имели.

Феномен «восстания масс» положил начало коренной трансформации связей в социуме, разрушению его классовой структуры, сословных перегородок, изменениям положения групп и индивидов по отношению к власти и при этом доминирующим фактором политического и социально-экономического развития стал самый массовый, средний слой общества со всеми его достоинствами и недостатками. Этот феномен разрушил иерархию как основу социального устройства общества.

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №3. С.119.

⁹ Там же. С.126.

Масса социальной энергии вырвалась наружу и определяет то, что «наша жизнь — более живая, наряженная насыщенная, чем все предыдущие, и тем самым более проблематичная»,¹⁰ но эта энергия, не будучи еще достаточно упорядоченной в целях поступательного развития, обладает как созидательным, так и разрушительным потенциалом. Поэтому «восстание масс может предвещать переход к новой, еще неведомой организации человечества; может и привести к катастрофе».¹¹

Феномен «восстания масс» послужил отправной точкой формирования массового общества, основную угрозу со стороны которого Х.Ортега-и-Гассет видел в том, что оно, зараженное идеями этатизма, способно стать социальной основой тоталитарного государства. И, к сожалению, его наихудшие опасения подтвердились. Сначала в Италии появилось фашистское государство, лидер которого Муссолини «с редкой наглостью проповедует формулу, якобы чудесным образом открытую в Италии: *“Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства!”* и этого достаточно, чтобы убедиться, что фашизм — типичная доктрина массового человека».¹² А затем в Германии массовым обществом во главе с национальным лидером Гитлером был создан национал-социалистический третий рейх, появление которого привело к катастрофическим последствиям для человечества.

Единственная возможность впредь избежать негативных последствий уже исторически свершившегося «восстания масс», заключается в перевоплощении безликой массы, безропотного и безмолвствующего народа в людей, во множество личностей, в трансформации массового общества в общество гражданское. Только становление гражданского общества, базовой ценностью которого является человек, его права и свободы, а движущей силой — самоорганизация и социальная активность осознающих свою гражданскую и политическую ответственность личностей, позволяет использовать

¹⁰ Там же. С.134.

¹¹ Там же. С.146.

¹² Там же. С.125.

созидательный потенциал «восстания масс» для целей развития и осуществлять «переход к новой, еще неведомой организации человечества».

Феномен, который формирует качественно новую не просто технологическую, а социально-технологическую основу постиндустриального развития, Э.Тоффлер и назвал «третья волна», понимая под этим рождение новой цивилизации, в процесс которого революционные изменения претерпевают техносфера, инфосфера, социосфера и властная сфера.¹³ При этом, как отмечает Э.Тоффлер: «Возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведет нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти. Эта новая цивилизация, поскольку она противостоит старой, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира. Она требует новых, более простых, эффективных и демократичных правительств. Это - цивилизация со своим собственным представлением о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики и причинности».¹⁴

Формирование новой техносферы на основе синтетического развития технологий постиндустриального общества наряду с созданием технологий новой энергетики и новых материалов, использования открытого космоса и глубин океана, а также биотехнологий, включая генные технологии, базируется на совершенствовании индустриальных транспортных технологий и революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). При этом именно революционные изменения в области ИКТ позволили М.Кастельсу интерпретировать наступление «третьей волны» как информационно-технологическую революцию.¹⁵

¹³ Тоффлер Э. Третья волна. С.26.

¹⁴ Там же. С.33-34.

¹⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С.49-80.

Представляется, что при исследованиях постиндустриального транзита не заслужено мало внимания уделяется роли транспортных технологий, которые сегодня обеспечивают быстрое перемещение практически в любую точку планеты сырьевых, энергетических и иных материальных ресурсов и технологий, но, прежде всего, людей.

Современные транспортные технологии совместно с либерализацией миграционной политики, обусловленной не только экономическими, но и во многом демографическими процессами, породили еще один имеющий большое значение для постиндустриального транзита феномен — феномен повышения миграционной мобильности.¹⁶

Суть этого феномена состоит в том, что существенная часть населения многих как индустриально развитых, так и переходных стран, а также часть населения стран «третьего мира» получила возможность познавать и рефлексивно оценивать — не через опосредованные другими людьми знания и информацию, а непосредственно через свои органы чувств — иной по сравнению с их собственным образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иное мировоззрение и вероисповедание, культуру, исторические обычаи и традиции, различные подходы к организации политической и экономической деятельности.

Повышение миграционной мобильности обусловлено во многом современной демографической ситуацией, тем, что, как отмечает З.Бжезинский «иммиграция является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах “третьего мира”».¹⁷ При этом процесс взаимопроникновения Запада и Востока, Севера и Юга, естественно не безмятежный, а сопряженный с возникновением

¹⁶ Нисневич Ю.А. Аудит политической системы посткоммунистической России. С.17-18.

¹⁷ Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международ. отношения, 2006. С.214.

новых противоречий и конфликтных зон в социуме, получил возможность своей практической реализации на самом массовом коммуникационном уровне – уровне межличностных отношений и коммуникаций. А каждый индивидуум, каждый средний человек получил практическую возможность принимать в той или иной форме участие в жизни всей планеты, на которой «временные и пространственные связи становятся все теснее»¹⁸.

Ключевым результатом революции в области ИКТ представляется качественное изменение инфосферы, ее децентрализация, демассификация¹⁹ и трансформация в информационно-коммуникационную среду с сетевой инфраструктурой, основанной на применении новейших информационно-коммуникационных сетей и систем. Такая сетевая инфокоммуникационная среда добавляет «социальной системе совершенно новый уровень коммуникации»²⁰ и становится «нервной системой» современного социума, в которой каждый человек потенциально наделяется новыми технологическими возможностями и призван выполнять функцию «нейрона», генерирующего и передающего необходимые для ее жизнедеятельности информационно-коммуникационные импульсы.

Можно говорить о том, что революция в области ИКТ инструментально способствует трансформации массового общества, о котором с тревогой писал Х.Ортега-и-Гассет, в немассовое гражданское общество, одним из ключевых условий формирования и источников энергии для функционирования которого является свободный информационно-коммуникационного обмена на межличностном и межгрупповом уровнях.

Феном «третья волна», как и каждое новое явление в развитии цивилизации, порождает не только новые перспективы решения глобальных проблем человечества, но и новые вызовы и угрозы. Это предопределяет объективную необходимость качественных изменений в поле политике и в том

¹⁸ Там же. С.9.

¹⁹ Тоффлер Э. Третья волна. С.266.

²⁰ Там же. С.288.

числе трансформаций института государства как главного политического института, в условиях ускорения процесса исторических изменений и резкого сдвига в сторону социального многообразия.

Обусловленные феноменом «третьей волны» трансформации института государства носят разнонаправленный характер и связаны с воздействиями на этот институт как изнутри, так и извне. Как пишет Э.Тоффлер: «По мере того как по миру катится Третья волна, ключевая политическая единица эры Второй волны - нация-государство - трещит под давлением снизу и сверху. Одни силы стремятся перевести политическую власть с уровня государства-нации на уровень внутринациональных регионов и групп. Другие силы пытаются поднять ее на уровень межнациональных агентств и организаций».²¹

Ключевой тенденцией трансформации института государства «изнутри» является его децентрализация. Только децентрализация государственной власти и управления может стать адекватным ответом на децентрализацию и демассификацию общества, нарастание социального многообразия и одновременную сегментацию и децентрализацию экономики. Централизация власти больше не работает, так как централизованная власть не способна адекватно и оперативно реагировать на нарастающие объемы и разнообразие частных, групповых и локальных интересов, игнорирование или недостаточное внимание к которым чревато нарастанием возмущения в обществе, усилением сепаратистских и центробежных тенденций, угрожающих единству государства.

Трансформации института государства под давлением «извне» предопределены тем, что как отмечает С.Хантингтон: «Государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения

²¹ Там же. С.500.

привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства — “бильярдного шара”, общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 года, и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый».²²

Тот факт, что государства-нации, границы которых возникли в результате перманентных войн за территории и ресурсы, утрачивают свое доминирующее значение, во многом обусловлен таким феноменом конца XX века как глобализация.

Если рассматривать глобализацию не в контексте доктринальной дискуссии, а как естественное следствие социально-технологической революции, то становится очевидным, что она выражает качественные изменения не только экономического, но и политического и социального устройства постиндустриального миропорядка. Сегодня глобализация выражает «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной», а «концепция глобализации подразумевает, прежде всего и главным образом, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ — так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара».²³

В результате такой глобализации мир из совокупности национальных государств, деятельность которых основывалась на абсолютизации принципа национального суверенитета, а межгосударственные отношения — на абсолютизации приоритета национальных интересов, трансформируется в иной миропорядок. В таком постиндустриальном миропорядке национальное

²² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С.37.

²³ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. С.3, 19.

государство лишается части своего суверенитета, а абсолютный приоритет национальных интересов и целей заменяется конвергенцией национальных и общемировых интересов и целей.

В постиндустриальном миропорядке происходит «интернационализация» государственных и политических институтов вследствие того, что национальные государства «пронизываются» и становятся составной частью таких общемировых пространств как мировой рынок товаров, продукции и услуг, трансграничное информационно-коммуникационное пространство, международное правовое пространство. Создаются международные политические институты и структуры, наделенные властно-принудительными полномочиями и действующие поверх государственных границ и независимо от расстояний.

Неизбежность трансформационных изменений государства как главного политического института и иных политических институтов в условиях постиндустриального транзита обусловлена не только тем, что вследствие необходимой децентрализации часть государственных функций и задач передается внутри государства на региональный и местный уровни, а часть вследствие глобализации уходит «наверх», приобретая трансграничный характер, но и тем, что постиндустриальный транзит сопряжен с жестким столкновением старой и новой цивилизации, которое таит в себе огромную опасность, порождая новые, ранее неизвестные вызовы и угрозы, в частности такие, как международный терроризм и религиозный фундаментализм.